

Сенцов А. Э.

КОНЦЕПТ "ОБЛАДАНИЕ" ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 137-143. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

добным, т. е. несвободным.

Модально-интенционный блок:

- надежда на обретение курдским народом свободы и государственности; желание независимости всех частей Курдистана; желание поднять флаг свободы. Отмечается желание обрести собственное независимое государство, подчеркивается независимость всего государства, а не какой-либо из его частей (Курдистан расположен на территории четырех государств);
- желание утолить жажду свободы; вдохнуть воздух свободы; взлететь; желание поднять флаг свободы; увидеть солнце свободы. Подчеркивается высокая витальная значимость и символизация концепта «свобода» в сознании субъекта;
- желание служить своему народу и жертвовать собой ради свободы. Отмечается сакральность концепта «свобода»;
- желание помощи со стороны «чужих» для обретения свободы. Отмечается влияние внешних факторов на обретение физической свободы;
- желание говорить на родном языке, свободным от влияния других языков; желание изучать родной язык. Положительное отношение курда к «своему», к курдскому, отрицательное отношение к внешнему «чужому» влиянию;
- нежелание претендовать на свободу «чужих». Свобода заканчивается там, где ограничивается свобода «чужих», желание обладать лишь «своим»;
- желание освободиться от печали. Свобода как выход из отрицательного внутреннего состояния.

Концепт «свобода» обретает в курдском сознании особую значимость, учитывая, что курды на сегодняшний день являются наиболее крупным этносом в мире, не имеющим государственности и права на самоопределение. Обретение и наличие государственности является единственным компонентом смыслового содержания всех единиц, репрезентирующих концепт «свобода». Наличие ментальной свободы и отсутствие физической является постоянным стимулом к ее обретению. Стремление обрести свободу, и, в частности, собственное независимое государство, становится для всего курдского народа образом жизни.

Список использованной литературы

1. جەمەل لێهەڵبەستەری 74 بەلێ. بەکێان: ئێڵدێش، 5433. ل. 51.
2. جەمەل لێهەڵبەستەری 13 بەلێ. بەکێان: ئێڵدێش، 7665. ل. 13.
3. عێڵدێش لێهەڵبەستەری 19 بەلێ. بەکێان: ئێڵدێش، 5433. ل. 19.
4. هۆشێگ ئێشێخ جەمەل لێهەڵبەستەری 7660. ل. 511.
5. هێمن بەباگ هێمن ئێشێخ جەمەل لێهەڵبەستەری 7664. ل. 794.
6. هێزار. بەکێان: ئێڵدێش، 7665. ل. 066.

КОНЦЕПТ «ОБЛАДАНИЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Сенцов А. Э.

Томский политехнический университет

Осознание того, что анализ языка не может быть ограничен исследованием идеальной языковой системы, существующей автономно, привело к выдвигению на первый план когнитивных подходов в языкознании как гуманитарной науке. Человеческая когниция, понимаемая как взаимодействие систем восприятия, репрезентации и продуцирования информации, предстала в качестве эмпирического объекта лингвистических изысканий.

В современной науке актуальными являются проблемы категоризации и концептуализации мира. Понятие концептуализации - одно из фундаментальных понятий мыслительной деятельности человека. Концептуализация рассматривается как ментальная деятельность, опирающаяся на определенную систему знаний, и представляет собой осмысление фрагмента действительности, которое объективируется в лексической единице.

Концепты представляют собой идеальные абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления. В их содержании отражены знания, опыт деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, 'квантов' знания [Пятаева, 1995, с. 4].

Концептуализация - один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике.

Концептуализация как выделение в целостном представлении о действительности частных элементов предполагает, что оно 'поделено' на определенные сегменты и что это деление закреплено в языке [Берестнев, 2002, с. 13]. Именно поэтому язык является для нас важнейшим источником установления концептов и концептуальных систем и анализа их природы.

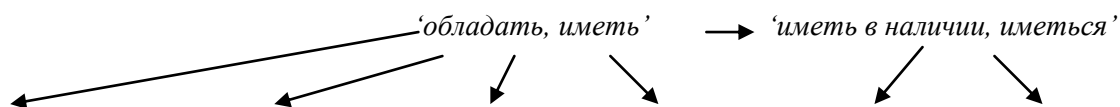
Концепт «обладание» является одним из базисных концептов, лежащих в основе общего освоения человеком действительности, но в то же время отличается национально-культурным своеобразием конкретного языкового воплощения, что позволяет выявить концептуальный анализ.

Источниками лексического материала послужили словари различного типа: этимологические и исторические словари как отдельных языков (латинского, французского), так и целых языковых семей (например, славянских языков); словарь индоевропейских корней (Ю. Покорный), толковые словари, словари синонимов; некоторые словарные материалы, приводимые в исследованиях по индоевропейским языкам.

На настоящий момент существует ряд работ, в которых частично затрагиваются проблемы изучения концепта «обладание» на разнообразном языковом материале (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы»; В. Г. Гак «Сопоставительная лексикология»; Л. И. Лухт «Категории бытия и обладания (французско-русские параллели)» по особенностям категорий бытия и обладания на примере французского и румынского языков; Н. Г. Виноградова «Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке» на материале немецкого языка; Н. В. Пятаева «История синонимичных этимологических гнезд **em-* и **ber-* ‘брать, взять’ в русском языке» на материале русского языка).

В центре ядра рассматриваемого концепта находится глагол *avoir*, представляющий его архисему. Как доминанта синонимических рядов глаголов концепта «обладание» *avoir* имеет самую широкую дистрибуцию и отличается самой свободной сочетаемостью. Глагол *avoir* является наиболее обобщенным средством лексической репрезентации концепта, его ключевым словом.

Проведя компонентный анализ, представляем лексическое значение глагола *avoir* как ряд сем, которые актуализируются во множестве контекстов, становясь тем самым концептуальными признаками, составляющими ядро концепта «обладание». Таким образом, структуру данного концепта, которая отражает его видение носителями современного французского языка и культуры, можно представить в следующем виде:

(обладая, имея) 'пользоваться'	(обладая, имея) 'долженствовать, иметь обязательства'	(в результате чего, при каких обстоятельствах?; моральный аспект) (о человеке) 'провести, соблазнить' (межличностные отношения)	(в результате чего, при каких обстоятельствах?; моральный аспект) (о предмете) 'украсть, обмануть' (заполучить обманным путем)	(о человеке) 'испытывать чувство; обладать качеством'	(о предмете) 'быть в наличии'
-----------------------------------	--	--	---	--	----------------------------------

На современном этапе развития французского языка лексическая группа (ЛГ), выражающая концепт «обладание», состоит из 24 лексических единиц, ядро же составляют 11 лексем: *acquérir, attraper, avoir, bénéficiaire, disposer, (être) doué,-e, jouir, obtenir, posséder, prendre, tenir*.

Данные единицы сконцентрированы вокруг архисемы *avoir* и описывают те или иные ситуации обладания. На основе анализа ядерных лексем представляется возможным выделить следующие основные признаки, организующие структуру концепта «обладание» во французском языке:

- 1) процесс овладения / состояние обладания;
- 2) акцент на способе получения / акцент на результате;
- 3) отношение к внутреннему миру человека / отношение к внешнему миру, окружающей действительности;
- 4) отторжимость объекта обладания / неотторжимость объекта обладания;
- 5) акцент на насилии при овладении / отсутствие подобного акцента.

После рассмотрения структуры концепта в синхронии возникает вопрос о том, насколько национально специфична его структура, когда и при каких обстоятельствах она сформировалась.

Современное состояние структуры концепта «обладание» является закономерным результатом его длительного развития в диахронии. Определение каждого концепта - процесс, сходный с определением понятия в логике. Но между тем и другим есть очень важное различие. Определение концепта <...> складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, а поэтому способ их суммирования в определении по самому существу дела является генетическим; концепт получает всегда генетическое определение [Степанов, 2001, с. 60].

Одна из важнейших особенностей языкознания XX века - стремление к описанию лексики как явления системного порядка. Системность лексики проявляется в том, что слова вступают друг с другом в различные отношения и образуют взаимодействующие группы и ряды (тематические группы, синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы, семантические поля). Все более важное значение приобретает исследование изменений в системе лексических групп, объединяемых общностью корня (словообразовательных, корневых и этимологических гнезд), что дает возможность компактно и наглядно показать не только непосредственные, но и все опосредствованные мотивации и тем самым продемонстрировать динамику системы.

Обращение к истории корневых групп позволяет подойти к решению основной задачи современной лек-

сикологии - описанию лексики в целом как развивающегося явления, определению качественных (формальных и семантических) и количественных изменений в словарном составе языка на всем протяжении его развития [Пятаева, 1995, с. 1].

Исследования подобного рода могут носить как синхронический, так и диахронический характер. На синхроническом срезе изучаются словообразовательные гнезда, в диахроническом аспекте чрезвычайно актуально изучение этимологических гнезд, позволяющее раскрыть все изменения (фонетические, морфологические, семантические), происходящие в гнезде на протяжении его исторического развития.

Семантическая структура лексического гнезда аналогична структуре многозначного слова, но она богаче по своим возможностям, ибо дает больше оснований для реконструкции реальной семантической деривации, особенно когда лексическое гнездо анализируется на пространстве нескольких или всех родственных языков. При таком масштабе семантического обзора роль метафорических механизмов непосредственной деривации (от значения к значению) заметно понижается, зато повышается степень мотивированности разных значений общей исконной семантикой этимона или некоторой метафорой более общего характера [Толстая, 2003, с. 549-562].

Ядерное слово *avoir* восходит к лат. *habēre*. В других романских языках из лат. *habēre* развиваются глаголы: исп. *haber*, ит. *avere*, порт. *haver*, окс. *aver*.

Как показывают генетически близкие образования в других родственных языках, первичным для лат. *habēre* является значение 'держат' [Pokorny, 1984, S. 408]. Так, в осском и умбрском языках, которые как и латинский входят в италийскую ветвь индоевропейских языков, фиксируются формы *-haffiar* оск. «содержит, имеет» и *habe* умбр. 'держит, владеет' [Ibidem; Walde, S. 630].

Глагол *habēre*, исходный для *avoir*, являлся основным глаголом, который выражал концепт «обладание» в латинской лингвокультуре. Наблюдается преемственность между двумя лингвокультурами (латинской и французской) в языковом выражении такого важного для миропонимания концепта (французская культура и язык являются романскими по происхождению, т.е. берут начало в латинской культуре и языке).

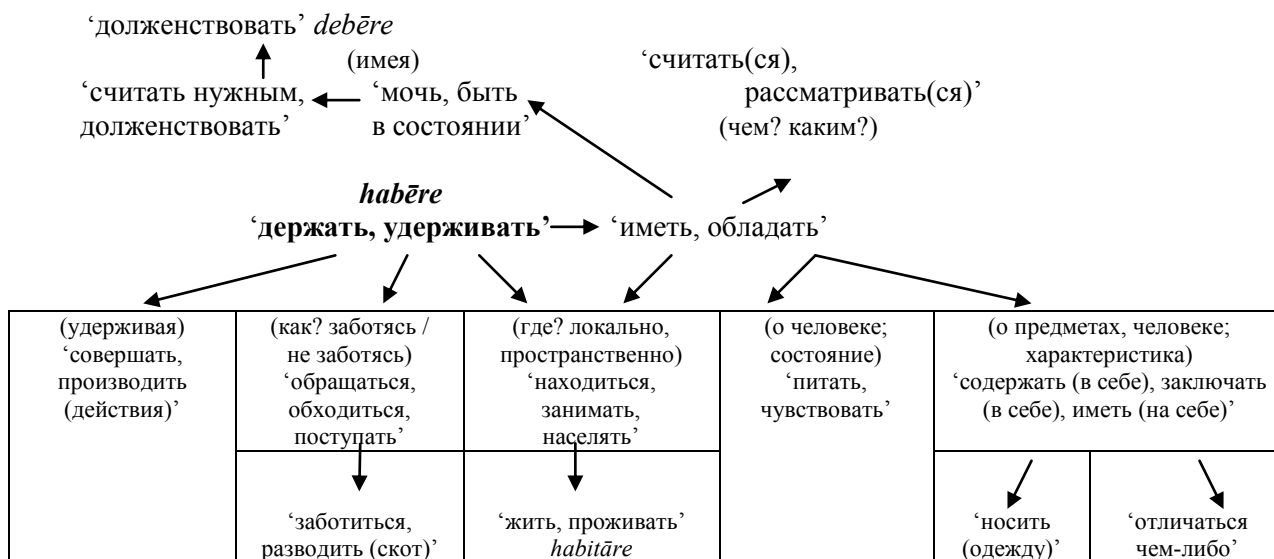
В латинском языке встречается достаточно много производных от *habēre* лексических единиц. Так глагол *habitāre*, близкий по значению глаголу *vivere* (который был ядерным словом в ЛГ, выражающей концепт «жить») и заимствованный во французский язык как *habiter* 'жить, проживать', был интенсивной формой к *habeo, ēre*. От него, в свою очередь, производные *habitatio, ōnis* 'проживание, жилье'; *habitator, ōris* 'обитатель, жилец'. У прилагательного *habilis, e* отмечаются значения 'легко управляемый, послушный, удобный, годный и способный' [Дворецкий, 1998, с. 356]. *Habilis* было также заимствовано во французский юридический язык в конце XIV в. со значением 'умелый, способный' [Dubois, Mitterand, Dauzat, 2001, p. 361], и значение это сохранилось до наших дней. Сравнивая семантику *habēre* и его производных, отмечаем, что в латинском языке наблюдается перегруппировка сем, происходит смещение акцента с собственно обладания на его характеристику (что иметь → как иметь). Так *habitāre* - фреквентатив, обозначает многократное действие, т.е. 'многократно иметься на одном и том же месте' → 'жить, обитать'.

В латыни фиксируется и существительные, образованные от глагола *habēre*: *habentia, ae* 'имущество, пожитки, добро'; *habitudo, inis* 'внешний вид, наружность'; *habitus, ūs* 'внешность, облик', 'платье, костюм' и 'особенности' [Дворецкий, 1998, с. 355]. Таким образом, актуализируется обладание как в сфере имущественных отношений, так и в сфере физиологической и ментальной. Вместе с тем отмечаются следующие производные: глагол *debēre* 'получить, унаследовать от кого-либо; быть обязанным кому-либо', 'долженствовать' (развившийся во фр. *devoir* 'долженствовать'); глагол *inhibēre* 'удерживать, сдерживать', т.е. 'иметь, удерживая', заимствованный в форме *inhiber* во французский язык юриспруденции в значении 'запрещать, налагать запрет' (конец XIV в.) [Dubois, Mitterand, Dauzat, 2001, p. 392]; отглагольное существительное *habēna, ae* 'ремень, узда', во множественном числе 'вожжи; бразды правления, власть' (напр., *habēnae rerum* 'государственное управление') [Дворецкий, 1998, с. 355]. Последнее существительное входит в ЛГ со значением 'держат, брать', как и глагол *inhibēre*, а у глагола *debēre* семантика долженствования развивается на основе тех же пространственных отношений ('получать, брать что-либо от кого-либо' → 'быть должным, обязанным своему благодетелю'), таким образом, концепт «обладание» пересекается с концептом «долженствование».

Такое обилие производных, возможно, является способом преодоления синкретизма лат. *habēre*. Расширение полисемии ключевого слова одного концепта приводит к выделению его частей в отдельные концепты, происходит процесс формальной (как *inhibēre, debēre*) или семантической (омонимы и т.д.) деривации.

Учитывая семантическую структуру глагола *habēre* и его производных, видим основания утверждать, что значение 'иметь, обладать' у глагола *habēre* не было основным. Оно было вторичным, появившимся в ходе развития латинского языка, т.к. обычно более сложное абстрактное значение 'иметь' развивается на основе значений пространственных (более наглядных, конкретных, доступных зрительному восприятию), а не наоборот [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 284].

Таким образом, структуру концепта «обладание» в латинском языке можно представить следующим образом:

Рассмотрев структуру концепта в латинском языке, перейдем к истории его становления во французском языке.

Основной лексической единицей выражения концепта «обладание» на современном этапе развития французского языка, как и на всем протяжении его истории, является глагол *avoir*. Глагол *avoir* отмечается уже в первых памятниках французской письменности (ок. 880 г.). В старофранцузском языке он имел форму *aveir* (*Cantilène de Sainte Eulalie*, X век) [Dubois, Mitterand, Dauzat, 2001, p. 56]. Данный глагол восходит к латинскому *habēre* ‘держатъ, иметъ’. В народной латыни *h* отпадает, *b* переходит в *v* в позиции между гласными, а *ē* в открытом слоге лабиализуется и переходит в нисходящие дифтонги [ei] > [oi], позже фиксируется изменение написания на *avoir*.

В ранних памятниках старофранцузского языка *avoir* отмечается в значениях, которые фиксировались и у латинского *habēre* - ‘владеть’, ‘ощущать, думать’, ‘иметь в своем распоряжении’. Позже (с 1000 г.) *avoir* чаще употребляется в значении ‘ощущать, испытывать чувство’: - *avoir mal* ‘испытывать чувство боли’; затем, ‘владеть благами’ - *avoir des biens* (1050). Кроме того, в XII веке глагол фиксируется в значении ‘овладеть женщиной (физически)’, а в XIII веке оно было расширено и у *avoir* появляется значение ‘овладевать, ловить, поймать’, например, *je l’aurai* - ‘я его поймаю’ (т.е. иметь в будущем, овладеть в результате действия).

Кроме того, глагол использовался как вспомогательный (X в.) в глагольных формах; в различных конструкциях, в которых наблюдалась его полная или частичная десемантизация. С XI в. используется конструкция “*avoir à* (плюс инфинитив)”, которая выражает долженствование, обязанность сделать что-либо. В виде “*n’avoir qu’à*” данный оборот имеет значение ‘не иметь другого выхода, кроме как...’: - *tu n’as qu’à t’en aller* - ‘тебе остается лишь уйти’. В XVI веке в литературе отмечается безличный оборот *il y a* ‘имеется’, в котором *avoir* становится формальным связующим знаком между говорящим и высказываемой им мыслью: *il y a des personnes qui le disent* - ‘есть те, кто говорит это’ [Rey, 1992, p. 153]. Десемантизация характерна и для русского глагола *иметь*, который образовывал с существительными сочетания типа *дерзновение иметь* (вплоть до XVI в.), но в русском языке подобные выражения отмерли.

В XVI-XVII вв. у глагола *avoir* отмечается очень много новых значений, выражающих 1) душевное состояние человека: *avoir en grande faveur* - ‘любить кого-либо’; 2) характеристику: *avoir du courage* - ‘быть храбрым’; 3) действие: *avoir quartier libre* - ‘получить отпуск из казармы’ и т.д. В основном полисемия глагола увеличивается путем метафорического переноса характеристик и процессов материального мира в область чувств, мыслей, взаимоотношений между людьми, во внутренний мир человека. Это свидетельствует о значительном прогрессе французского литературного языка в период ренессансно-гуманистического движения и Просвещения. Развитие философии и других гуманитарных наук, различных жанров литературы, как и повышение общей образованности, культуры вызвало расширение рамок концепта «обладание» во французской лингвокультуре.

Таким образом, во французской лингвокультуре, которая берет свое начало в лингвокультуре латинской, концепт «обладание» менее многогранен, основная лексическая единица его выражения менее полисемична. Многие значения лат. *habēre* во французском языке выражаются исключительно самостоятельными лексемами (*devoir* ‘долженствовать’, *habiter* ‘жить, проживать’, *inhiber* ‘сдерживать, замедлять; запрещать’). Таким образом, происходит ‘сжатие’ концепта «обладание» во французской концептосфере, что объясняется самой историей формирования языка французов. Субстратно-суперстратные отношения подразумевают определенный период двуязычия носителей нового зарождающегося языка. Формирующееся галло-романское языковое сознание усваивало латинскую языковую картину мира, постепенно перерабатывая ее,

сопоставляя с языковой картиной мира кельтского населения. Для выражения ряда значений, присущих лат. глаголу *habēre*, в языке кельтов, возможно, уже существовали свои собственные лексемы, и поэтому французский глагол *avoir* не развил всех граней концепта «обладание», выражаемых в латинской лингвокультуре глаголом *habēre*.

Что касается других романских языков, то в итальянском, как и во французском языке, *avere* является основным глаголом выражения обладания и практически совпадает в своих значениях с французским *avoir* (хотя в итальянском языке сохраняется значение ‘держать’, например, *avere in mano* - ‘держать в руке’) [Ит.-рус. словарь, 2001, с. 44]. А, например, в испанском языке значение глагола *haber* ‘иметь, обладать’ считается устаревшим. Чаще всего он используется как вспомогательный глагол для образования сложных временных форм глагола, например, *he leído* - ‘я прочитал’; как самостоятельный глагол у него отмечаются значения: ‘иметься, находиться’: *hay mucha gente en la plaza* - ‘на площади много народу’; ‘захватывать’; ‘быть должным’: *has de estudiar* - ‘ты должен учиться’. Основным же глаголом, выражающим концепт «обладание», является *tener* (< лат. *tenere* ‘держать (в руке)’ и, как производные значения, ‘обладать’, ‘занимать’), который соединяет и значение ‘держать (в руках), удерживать’: *tener las riendas* - ‘держать вожжи’, и ‘иметь, обладать, располагать’: *tener bienes* - ‘владеть имуществом’, *tener tiempo libre* - ‘располагать свободным временем’ [Исп.-рус. словарь, 2003, с. 267].

Языковое выражение концепта «обладание» в романской лингвокультуре через латинскую восходит к индоевропейскому праязыку. Ядерное слово *avoir* восходит через лат. *habēre* к индоевропейскому (и.-е.) корню **g(h)abh-* ‘хватать, брать’.

Прошлое какого-либо языка не может быть освещено полно только на основе его внутренней реконструкции, необходимо использование метода внешней реконструкции, т.е. должно быть проведено его сопоставление с другими родственными языками. В данной работе мы обратимся к истории корневой группы и.-е. **g(h)abh-*. Для романских (через италийские) языков развитие семантики идет по схеме: ‘держать’ → ‘иметь’. А как развивался и.-е. **g(h)abh-* в родственных германских и славянских языках? Именно эти языки ареально наиболее близки к италийским, романским языкам, между ними постоянно происходило взаимодействие.

В германских языках обнаруживаем следующую однокорневую лексику: гот. *gabei* ‘богатство’, др.-в.-нем. *kepi* ‘богатство’, др.-исл. *gæfa* ‘счастье’ (т.е. богатство собственно как приобщенный объект и богатство как состояние владения в изобилии) и германское новообразование (как замена корня **dō-* ‘давать») в гот. *giban*, др.-исл. *gefa*, др.-в.-нем. *geban* и др.-англ. *giefan* ‘(от)давать’ [Pokorny, 1984, S. 408]. В современном английском языке глагол *to give* ‘давать, дарить, вручать’, восходящий к др.-англ. *giefan* является ядерным словом в ЛГ со значением ‘давать’ и не входит в ЛГ, выражающую концепт «обладание» (аналогично в современном немецком языке - *geben* ‘давать, предоставлять’). В ряде германских языков отмечается значение ‘щедрый, отдающий’ (др.-исл. *gæfr*, герм. женское имя *Ala-gabie* ‘все отдающая’), таким образом человек, владеющий чем-либо в избытке, отдает какую-то часть другим, щедро делится своим имуществом (возможно, что такое переосмысление связано с самой родовой, общинной структурой общества древних германцев, а позже, с принятием христианской морали и ценностей). В значении ‘богатство’, ‘щедрый’ германский языковой материал пересекается с материалом церковнославянских письменных памятников, в которых фиксируются следующие лексические единицы: др.-рус., рус.-цслав. *гобино* ‘изобилие, богатство’ < **gobino* / **gobina*; др.-рус., рус.-цслав. *гобъзь* ‘урожайный, обильный, изобильный’ < **gobъзь(jь)*, **gobъza*; др.-рус., рус.-цслав. *гобъзиту* ‘изобиловать’ < **gobъziti* и др. [ЭССЯ, 1981, с. 185]. Эти памятники старославянского языка в церковнославянском варианте - литературной формы общеславянского праязыка относятся к X-XII вв., а созданы, в основном, на берегах Днепра. Известно, что именно на этой территории во II-III вв. восточнотетское племя грейтунгов (остготовов) создало первое надплеменное государственное объединение (Остготское королевство), объединив под своей властью славян. Власть остготовов распространялась на местные племена от низовий Дона на востоке и от степного Крыма на юге до Днепра на западе [Широков, 2003, с. 211-212]. Наибольшего могущества остготы достигли при Эрманарихе, но в 375 г. их государство пало под ударами гуннов. Это событие нашло отражение в германском героическом эпосе, в частности в «Песни о Нибелунгах». Готы также упоминаются в славянской легенде о святом Константине [Введ. в герм. филологию, 1998, с. 93]. Таким образом, упомянутое выше германо-славянское схождение объясняется тесными и длительными контактами германцев и славян, и как следствие, наличием в славянской лингвокультуре элементов, заимствованных из лингвокультуры германской [ЭССЯ, 1981, с. 185; Pokorny, 1984, S. 409].

На заимствованный характер лексических единиц **gobino*, **gobъзь(jь)* указывает их семантическая изолированность от других лексических единиц славянских языков, развившихся из и.-е. **g(h)abh-* ‘брать, хватать’, которые входят не в ЛГ, выражающую концепт «обладание», а в ЛГ со значением ‘брать, взять’, продолжающую исходную общиндоевропейскую семантику **g(h)abh-*. Праслав. **gabajo*, **gabati* реализуется в болг. *габам* ‘задевать’, чеш. *habati* ‘хватать’, *gabač* ‘хвататься, доставать’, слов. *habat* ‘хватать, набирать’, ст.-польск. *gabać* ‘преследовать’, польск. *gabać* ‘брать, хватать’, др.-рус. *габату* ‘притеснять’, укр. *габату* ‘хватать’, блр. *габаць* ‘хватать, брать’ [ЭССЯ, 1981, с. 76]. Кроме того, наблюдается структурное сходство германских (готских) и праславянских форм, например, праслав. **gobь*, род. п. **gobi* < гот. *gabei* ‘богатство’.

Значения ‘брать, хватать, взять’ встречаются и у лексических единиц в родственных славянским балтийских языках, например, лит. *gabėnti* ‘везти, тащить’, *gabùs* ‘уносить, увозить’, диал. *guobti* ‘нахватывать, набирать’ (при др.-инд. *gābhasti-h* ‘рука, предплечье’), и в кельтских языках: др.-ирл. *gaibid* ‘я беру’, ирл.

gabh ‘брат’ [Pokorny, 1984, S. 409].

Отметим, что в германских языках корень **g(h)abh-* развивался по еще одному пути. Прагерманская форма **kabisjō*, **kavisjō* (восходящая к и.-е. **gabh-* - варианту корня **g(h)abh*) реализуется в др.-в.-нем. *kebis*, *kebisa* ‘слуга, раб, служанка, наложница’, др.-сакс. *kebis*, ср.-н.-нем. *kēves*, ср.-нидерл. *kevese* ‘кухарка, сожительница’, ср.-в.-нем. *kebes(e)*, *kebse* ‘сожительство’, нем. *Kebse* ‘наложница, любовница’, нем. *Kebsehe* ‘сожительство’, др.-англ. *cefes*, *cyfes* ‘работница’ [EWD, 1993, S. 607, 643; Pokorny, 1984, S. 408].

Можно выстроить следующую логико-семантическую схему развития значения - ‘пленник - приобщенный объект’ → ‘раб, слуга - социальный статус приобщенного объекта’. Наличие рабов, слуг у древних германцев указывает на начавшийся процесс социальной дифференциации. Но рабство у германцев носило иной характер, чем, например, в рабовладельческом Риме. Рабами являлись военнопленные, их можно было продать и безнаказанно убить. Но в других отношениях раб - это младший член рода. Они имели собственное хозяйство, но были обязаны отдавать своему господину часть скота и урожая [Введ. в герм. филологию, 1998, с. 11].

Мощное движение на запад гуннов, племени из Восточной Азии, пришедшего в Восточную Европу, привело в движение германский мир во второй половине IV в., племена германцев начали вторгаться на территорию империи. Не в силах изгнать варваров-германцев Римский император Феодосий, придя к власти в 379 г., был вынужден заключить с ними договор, который гарантировал германцам безопасность, если они будут поставлять воинов и крестьян для римских владений. Варвары-германцы стали регулярной составной частью римской армии. В 407 г. Галлию окончательно наводнили германские племена, добившиеся прав римских военных союзников и в качестве ‘гостей и сотрапезников’ устанавливавших свое управление на отведенных им землях. В V в. после отражения гуннов в битве на Каталанских полях (451 г.) германские племена вестготов, франков, бургундов начали создавать свои королевства [Введ. в герм. филологию, 1998, с. 80].

Таким образом, к VI-VII вв. германцы полностью переходят от постоянного грабежа и военных столкновений к мирному оседлому образу жизни. В Западной Европе начинает формироваться феодальная система отношений и ко времени появления первых древнегерманских литературных языков (IX в.-начало X в.) формируется окончательно [Широков, 2003, с. 518]. Эти изменения фиксируются в языке, в его лексическом составе.

У лексических единиц, восходящих к форме **kavisjō*, **kabisjō*, актуализируется значение ‘раб, слуга, работник’, еще чаще в женском роде ‘наложница, сожительница’ и даже ‘кухарка’. Устанавливается четкая социальная структура общества, в языке акцентируется внимание на социальном статусе и функциях индивида (социально ущемленный человек, обязанный прислуживать, работать). В древнескандинавском языке отмечаются формы *kefsir* ‘захваченный, пленный’, *kefsir* ‘пленник, раб’ [Pokorny, 1984, S. 408]. В Скандинавии эпохи викингов с постоянными военными походами, набегами на материковые европейские страны захват пленников, рабов являлся очень распространенным явлением, что и находит отражение в языке.

Отметим, что существует и другая точка зрения на происхождение прагерманской формы **kavisjō*, **kabisjō*. В «Этимологическом словаре немецкого языка» В. Пфайфер предполагает, что в язык западных германцев на нижнем Рейне и Северном море из латыни заимствуется слово *cavea* ‘полость, углубление; суд; яма, ограда, клетка’ [Дворецкий, 1998, с. 126] в форме **kavjō* со значением ‘яма, клетка’. От этой формы происходит **kavisjō* или **kabisjō*, которое реализуется в германских языках; т.е. Пфайфер не соотносит рассматриваемые формы с и.-е. **gabh-* [EWD, 1993, S. 607, 643-644, 688]. Отметим, что заимствования из латинского языка, даже самые ранние, относятся к периоду, когда германское единство уже окончательно распалось, а производные рассматриваемой праформы отмечаются практически во всех германских языках. Из чего заключаем, что латинское заимствование в данном случае маловероятно.

В заключении отметим, что и.-е. корень **g(h)abh-* оказывается продуктивным во многих ветвях индоевропейской языковой семьи: индоарийской, италийской, романской, кельтской, германской, балтийской и славянской. Но лишь во французской (романской) линвокультуре [через италийскую (латинскую)] ядерная лексическая единица выражения концепта «обладание» восходит к корню **g(h)abh-* со значением ‘хватать, брать’.

Формирование понятий о собственности, обладании - длительный исторический процесс, и язык отразил этапы этого процесса. В общеиндоевропейском состоянии в языке не было единого глагола с абстрактным значением ‘иметь’. В италийских, романских языках он развился из корня с первоначальным значением ‘брать, хватать’: **g(h)abh-* ‘брать, хватать’ → а) ‘держат’ (лат. *habēo*) → ‘иметь’ (лат. *habēo*, фр. *avoir*), → б) ‘иметь» (гот. *gabei* ‘богатство’) → ‘давать’ (англ. *to give*), чтобы брали, держали, имели (‘брать’ ↔ ‘давать’).

Следует отметить, что эта модель развития семантики является универсальной. В ходе становления славянских языков в смысловой структуре лексического гнезда с исходным и.-е. корнем **em-* ‘брать’ выделился новый семантический центр ‘иметь’, связь которого со значением ‘брать’ осуществляется через сему ‘приобщаемый/приобщенный объект’: [‘брать’ (что?) → ‘приобщаемый объект’] → [‘иметь’ (что?) → ‘приобщенный объект’].

Такую же схему наблюдаем в германских языках в смысловой структуре лексического гнезда с исходным и.-е. корнем **kap-* ‘хватать’.

Связь исходных и производных значений в лексическом гнезде рассматриваемого корня **g(h)abh-*

усматривается в том, что они соотносятся со смежными последовательными действиями, направленными на объект: [‘брать, хватать’ (и.-е.)] → [‘держать’ (итал.(лат.))] → ‘содержать’ → [‘иметь’ (романское)].

У корня - *g(h)abh- значение ‘брать’ является исходным и из него формируется значение ‘иметь’ в рассматриваемой лингвокультуре. Генетически заданная семантика определяет последующее «развертывание» семантического потенциала слова.

Все вышеуказанное еще раз подтверждает тезис о древности исследуемого концепта «обладание». Сама история становления данного концепта, его развития иллюстрирует последовательные цивилизационные этапы в латинской, а затем во французской культуре, отражает изменения, происходившие в обществе, его усложняющуюся социальную структуру.

Концепт «обладание» представляет собой семантически гетерогенную область, включающую в себя разные виды обладания: обладание материальными объектами, обладание семейно-родственными, функционально-служебными и другими отношениями, характеризующими человека, обладание различными частями и органами тела, а также физическими, психическими качествами и состояниями. Рассматриваемый концепт является, безусловно, одним из основополагающих в культуре любого народа. Он очень ярко иллюстрирует представления о мире у того или иного народа.

Важно отметить, что разные народы по-разному ‘кроят’ окружающую действительность и на этой основе возникают своеобразные наивные картины мира, четко обозначенные в соответствующих языках. Таким образом, обозначившиеся в разных языках концептуальные системы отличаются друг от друга. Таким путем проявляются различия в наивных картинах мира в целом [Берестнев, 2002, с. 16]. Более того, с ходом времени меняется строй концептов и внутри одной картины мира, внутри одной ментальности (что и иллюстрирует представленный в настоящем исследовании материал).

Дальнейшее исследование концепта «обладание», его языкового выражения во французской лингвокультуре позволит еще глубже раскрыть особенности мировидения ее носителей через призму этого важнейшего для любого языка концепта.

Список использованной литературы

1. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: учебное пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
2. Большой испанско-русский словарь / Б. П. Нарумов, Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина и др.; под ред. Б. П. Нарумова. ООО «Русский язык-Медиа», 2003.
3. Введение в германскую филологию: учебник для филол. факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. М.: ГИС, 1998.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Книга 1.
5. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. Изд-е 5-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1998.
6. Итальянско-русский словарь / Г. Ф. Зорько. М.: Астрель; АСТ, 2001.
7. Пятаева Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber - «брать, взять» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1995.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
9. Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание: доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдаван. М.: Индрик, 2003.
10. Широков О. С. Языковедение: введение в науку о языках / под ред. А. А. Волкова. М.: Добросвет, 2003.
11. Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ) / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1981. Вып. 6.
12. Dictionnaire de la langue française. Paris: Le Robert, 1996.
13. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Larousse, 2001.
14. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen EWD / Akademie Verlag; unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Berlin, 1993.
15. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1984.
16. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris, 1992.
17. Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch (W.-H.). 3 Neuberarbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1954.

ОЙКОНИМЫ ЯРЦЕВСКОГО РАЙОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

Сенченкова Е. В.

Смоленская государственная медицинская академия

Ойконим представляет собой «собственное название любого селения, в том числе города, посёлка, посада, села, слободы, деревни и т.д.» [4, с. 7].

В данной статье рассматриваются названия деревень Смоленского края, а именно - Ярцевского района. Выбор территории объясняется сложными перипетиями в исторической судьбе региона, его этнографическими и диалектологическими особенностями.

В справочнике «Административно-территориальное деление Смоленской области» [1, с. 110-113] приводится 358 названий деревень вышеобозначенной территории. Эти названия отражают многовековую историю человечества: природные условия его существования, материальную и духовную жизнь в их развитии.